(Продолжение. Начало в №14)

К 1927 г. здесь было построено много жилья специально для рабочих, в том числе в районе за Нарвской заставой появился целый рабочий городок со своим Дворцом культуры, фабрикой-кухней, школой на тысячу мест, которая носила имя 10-летия Октября. Связь Базеевы с родным селом не теряли. Как-то супруги приехали летом в деревню и стали свидетелями раскулачивания. По приказу высылали многодетную семью Исхака Асабина, признанного кулаком. В селе Асабиных было много, если Арибджан осиротел ребенком и вырос в доме деда, то у деда было шестеро сыновей и все многодетные. Сельчане не поддержали решения властей, завязалась драка и безоружных солдат изгнали. На следующий день из Саранска прислали вооруженную команду для усиления первой группы. Теперь они занялись еще и поиском и арестом смутьянов. Однако, бесследно исчез мужик в тельняшке. Поясним, это был Абдулла Базеев. Он несколько дней прятался в лесу, татары упорно уверяли военных, что не знают, кто это был и откуда взялся. Тогда в числе арестованных оказалась Шамсикомяр (Комяр тятяй) Салямова, по прозвищу «тыр-тыр». Она активно помогала мужчинам не только кулаками, но и языком трещала. По воспоминаниям, а это прабабушка автора, она была большой болтушкой, отличалась хорошим чувством юмора и любила людей посмешить. Когда солдаты подошли к ее дому, Комяр тятяй спряталась в подпол. Мужа поставили к стенке и он обреченно сказал: «Вылезай, меня же застрелят», на что она снизу ответила: «Если вылезу, меня убьют». Ее вытащили и отвезли в Саранск.

На их счастье следователь был их родственником и отпустил женщину домой. Как оказалось не на долго, их тоже выслали. Она же была замужем за бай-солдатом. Ее муж Навмятулла Салямов служил в Питере, денег напрасно не тратил и, вернувшись со службы, покрыл крышу дома кровельным железом. У всех солома, а у них крыша – блестит. Салямов с сыновьями Низаметдином и Джамалетдином и другими земляками занимался грузовыми перевозками. На собственных лошадях они работали на стройках и переезжали с места на место. Вот так и покидали родное село черемишевцы, кто по доброй воле, а кто нет.

В Ленинграде на заводе «Северная верфь», где трудился Абдулла Базеев, работало очень много татар, в их числе был и Ахмед Бигеев, сын имама Бигеева. Получить высшее образование сын богослова уже не мог. Ахмед не отчаивался, работал кузнецом-гибщиком. Он считал, что последнее слово всегда будет за рабочим классом, что нужно познать производство с азов и много занимался самообразованием. Маловероятно, чтобы Ахмед был знаком с Абдуллой, предприятие было огромным, к кузнечному делу Базеев никакого отношения не имел, да и был на десять лет старше

Ахмеда. В 1929 г. Ахмед вступил в члены Всесоюзного коммунистического союза молодежи, стал комсомольцем, а в мае 1931 г. он был арестован. Это случилось через полгода после нелегальной эмиграции отца. Далее последовала высылка всей семьи на три года, после окончания которой Бигеевым не разрешалось проживание в Москве и Ленинграде, но через год они добились амнистии и снятия ограничений. Только жилья в Ленинграде у них больше не было, а найти здесь работу по специальности смог только Ахмед.

Известие о начале Великой Отечественной войны все граждане СССР услышали одновременно по радио в 12 часов дня. Наших героев война застала кого-то в Мариенбурге, кого-то в Ленинграде и Петергофе.

У Арибджана Асабина было пятеро сыновей: Абдулла, Абдурахман, Бурхан, Кязым и Саид. Воевали все, трое младших не вернулись. Кязыма ждали после окончания советско-финской войны, но демобилизация откладывалась. Бурхан был уже призван на переподготовку. Семнадцатилетний Саид с Наимой Базеевой, племянницей Абдуллы, рыли окопы на подступах к Ленинграду. Однажды приехали на полуторке военные, и мальчишек-подростков увезли на передовую. Саида больше никто не видел. Из обобщенный базы данных общества «Мемориал» стало известно, что 9 июля 1941 г. рядовой Бурхан Асабин, 1918 г.р., уроженец с. Черемишева, попал в плен на территории Белоруссии в Барановичах и 6 ноября 1941 г. умер в лагере для военнопленных в городке Нойхаммер (ныне Свентошув, Польша). В его учетной карточке написано Борис Архипович. Сначала это вызвало недоумение, но дата и место рождения совпадали. Думается, Бурхан, как и многие молодые люди его поколения, проникшись идеями всеобщего братства и по совету товарищей, так назвался для удобства окружающих.

Всю войну за баранкой по разным фронтовым дорогам исколесил Абдурахман Асабин, шофер автомотобатальона, был под Сталинградом, закончил войну в Венгрии. Его старший брат Абдулла Асабин воевал на Ленинградском фронте, получил тяжелое ранение в руку уже в конце войны, и суждено ему было до конца дней прожить в столице Таджикистана, городе Душанбе, куда была вывезена его семья из блокадного Ленинграда.

Конечно, обо всем этом не мог знать их отец Арибджан, когда в первые дни войны закапывал во дворе собственного дома книги и утварь, чтобы под обстрелами отправиться пешком из-под Гатчины в Ленинград. С собой он привел на поводке козу. Арибджан все годы занимался извозом, и у него оставались определенные запасы дуранды – это корм для лошадей, состоявший из спрессованной шелухи подсолнечника, после отжима из семян масла. В самом начале войны, когда при взрывах на улицах города погибали лошади, а русское население традиционно не употребляло в пищу конины, он приносил мясо для засаливания. На какое-то непродолжительное время его многочисленная семья была обеспечена едой.

8 сентября 1941 г. Ленинград был блокирован с суши. Подвоза продовольствия и топлива не было. В среднем каждый день в городе-фронте звучало до трехсот разрывов снарядов и бомб. Немецкое командование не предполагало сохранять такой большой населенный пункт и стремилось уничтожить этот город. В ноябре начались морозы до –40? С, и в ночь с 22 ноября 1941 г. заработала военно-автомобильная дорога, по льду Ладожского озера в город на грузовиках везли продовольствие, а обратно на этих машинах вывозили людей. Ее называли Дорогой жизни. В домах не работали канализация и водопровод, не было света. Встал трамвай, и люди ходили на работу

пешком по 15-18 км. Рабочие на заводах использовали дизели, автомобильные моторы или вручную приводили в движение станки. В цехах ремонтировали танки и пушки, прибывавшие с передовой. Артобстрелы и бомбежки продолжались по несколько часов, но самым страшным был голод.

Сложно назвать хлебом темно-коричневую массу, состоявшие на половину из примесей, которую получали горожане по карточкам: 250 гр. – работающим и 150 гр. – иждивенцам. Люди ели столярный клей (выварки костей), натуральную олифу, варили кожаные ремни. На территории сгоревших продовольственных складов собирали комья промороженной и пропитанной сахаром земли. В городе отмечались случаи каннибализма, съели кошек и собак, не было ни ворон, ни голубей.

В домах, где жили Асабины-Базеевы было печное отопление, а находившиеся вблизи деревянные дома власти разрешили разбирать на дрова. Им было тепло. В первую, самую страшную блокадную зиму, когда смерть косила людей, кого на улице по дороге на работу, кого дома под одеялом. По квартирам ходили санитарные бригады. Старший брат Абдуллы Базеева Файсхан был шестидесятилетним мужчиной, и его привлекли к такой работе. Организм неподготовленного, истощенного человека не выдержал, и в первый же день, вернувшись домой, он умер от инсульта. Ослабленные Абдулла с тестем Арибджаном на детских саночках несколько километров везли тело покойного до татарского участока Волковского кладбища и сами похоронили. Через пару дней скончался и Арибджан. Ниже приведем историю, которую рассказывал в свое время Абдулла Базеев. На пустыре рядом с татарским участком устроили массовое захоронение умерших. Отдельных могил не рыли, хоронили только в общие, называя их братскими. Один человек очень хотел сохранить могилы своих близких. Он пошел к татарам, смотрителям мусульманского участка, и те разрешили похоронить, с краю, ближе к речке. Так среди полумесяцев появились три православных креста. В горе люди осознали истину – Бог един. Рядом с этим захоронением покоится мать Абдуллы Базеева. Думается, что тем татарам была известна работа Мусы-эфенди Бигеева «Доказательства милосердия Всевышнего», в которой он с Кораном в руке доказывал, что Аллах воздаст за добрые дела всем людям без различия их религий и в безграничной милости своей избавит от геенны всех людей. Всю ленинградскую блокаду Абдулла проработал на заводе и фактически жил в цехе. В сентябре 1942 г. он проводил в эвакуацию жену с детьми, тещу и семью старшего брата.

После войны Абдулла Базеев на месте дома Асабиных в Мариенбурге обнаружил только огромную воронку. Восстанавливать дом было не на что, да и некому. Так безвозвратно было потеряно еще одно семейное гнездо.

Альмира Тагирджанова,
краевед, Санкт-Петербург **(Окончание в следующем номере)**